

Когда можно и когда нужно использовать севернохантыйский показатель топика?*

С. К. Михайлов, НУЛ по формальным
моделям в лингвистике, НИУ ВШЭ
stepanmihajlov@gmail.com

1. О дивный новый мир, где обитает / Дискурсивная посессивность!

- В уральских языках распространены **дискурсивные** употребления показателей посессивности, когда **показатель используется без выражения прототипических отношений посессивности** (обладание, часть-целое, социальные отношения и т. д.). [Nikolaeva 2003; Кузнецова 2003; Simonenko 2017; Fraurud 2001; Körtevély 2010; Siegl 2015; Serdobolskaya et al. 2019; É. Kiss, Tánczos 2018 и ссылки в этих работах]
- Важные вопросы:
  1. Являются ли такие употребления случаями грамматикализации?¹
    - Fraurud 2001, Gerland 2014 и др. — это **не** грамматикализация, а особые употребления тех же посессивов (моносемический взгляд)
    - É. Kiss, Tánczos 2018, Mikhailov 2021, Михайлов (в печати, а), (этот доклад) и др. — это **грамматикализация**; из посессивов возникают новые выражения
  2. Во что могут развиваться посессивы?
    - **не** в определённые артикли [Fraurud 2001; Nikolaeva 2003 и др.]

---

* Автор выражает глубочайшую признательность своим севернохантыйским консультантам, а также А. А. Козлову, С. Ю. Толдовой, Н. А. Слюсарь и другим участникам экспедиции в с. Казым летом 2021 г. за критические замечания к изложенным здесь идеям. Все недочёты настоящей работы остаются на совести автора.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

¹ Или, возможно, не грамматикализации, но другого подобного диахронического изменения, которое образует новое выражение с новым значением и морфосинтаксисом.

- **3sg > партитивный артикль** — удмуртский [É. Kiss, Tánczos 2018], луговой марийский [Simonenko 2017], севернохантыйский [Михайлов (в печати, а)] и др. (самый частый тип развития?)
- **3sg > анафорический артикль (?)** — коми-ижемский (?) [Simonenko 2017] и др. (?)
- **2sg > показатель топика (?)** — севернохантыйский (этот доклад), нганасанский и долганский² (?) [Siegl 2015]
- **2sg > проприальный артикль** [Muñoz 2019] — севернохантыйский [Mikhailov 2021]
- **poss > ассоциативный определённый посессив** — севернохантыйский [Mikhailov 2021; Михайлов (в печати, б)]
- и проч.³

⇒ Посессивы часто развиваются в категории, прямо связанные с референциальностью и детерминацией, но при этом в маргинальные, а не в распространённые / хорошо известные типы.⁴

⇒ Особенно интересно их описать и проанализировать! (ср. [Сердобольская 2017])

- В (1) представлен пример собственно посессивного употребления POSS.2SG казымского диалекта севернохантыйского языка (< обско-угорские < уральские).
  - Здесь и далее данные элицитации с носителями казымского диалекта в 2018-2021 гг., если не указано иначе.

(1) **nǎŋ kǎt'-en**   moś-λ

---

² Долганский принадлежит не уральской, а тюркской семье, но согласно [Siegl 2015] находится под нганасанским влиянием. Отдельный вопрос, насколько дискурсивная посессивность — ареальное явление.

³ См. процитированные и предшествующие им исследования, в которых обсуждается большее число дискурсивных употреблений посессивов (хотя во многих работах вопрос независимости этих употреблений не рассматривается подробно).

⁴ Я имею в виду, например, типы категорий, обсуждаемые в [König 2018]: (не)определённые, референциальные и генерические артикли, указательные местоимения. (Хотя анафорические артикли скорее известны — благодаря [Schwarz 2009] — и, предположительно, известнее генерических артиклей.)

ты кот-POSS.2SG мурчать-NPST[3SG]

‘Твой кот мурчит’.

- В (2) POSS.2SG употребляется в функции показателя топики. [Mikhailov 2021]

(2) **amp-en**   ma   рел-ам-а   хурәт-ti   pit-әс
пёс-POSS.2SG   я   на-POSS.1SG-DAT   лаять-NFIN.NPST   статья-PST[3SG]

‘{Я шёл по улице и увидел собаку.} (букв. Твоя) собака на меня залаяла’.

- **Основной вопрос:**

⇒ Каковы ограничения на употребления показателя топики?

- (Судя по доступным сейчас данным, собиравшимся для других целей.)
- В будущем необходимо перепроверить обсуждающиеся тут данные с большим числом носителей и для многих случаев собрать более чистые минимальные пары.
- Далее рассматриваются только нарицательные имена немаркированные другими посессивами, поскольку личные местоимения и посессивно-маркированные ИГ не допускают дискурсивно-посессивного маркирования [Mikhailov 2021].

- **План доклада:**

1. О дивный новый мир, где обитает / Дискурсивная посессивность!.....	1
2. Независимость показателя топики от POSS.2SG	4
2.1. Аргумент от недопустимости выражения посессора.....	4
2.2. Аргумент от рассогласования	5
3. Показатель топики (ТОР) с топикальными подлежащими и нетопикальными неподлежащими	6
4. ТОР с топикальными неподлежащими	8
5. ТОР с нетопикальными ИГ	9
5.1. С относительным придаточным	10
5.2. С указательными местоимениями	10

6. Когда можно и когда нужно использовать севернохантыйский показатель топика?.....	12
Приложение. TOP vs. ассоциативный посессив.....	13

2. Независимость показателя топика от POSS.2SG

- [Mikhailov 2021, Михайлов (в печати, а)]: в примерах типа (2) употребляется **независимый** от собственно POSS.2SG показатель
  - что демонстрируется на основании отличий в его морфосинтаксических и семантикопрагматических свойствах
- Рассмотрим два морфосинтаксических аргумента.

2.1. Аргумент от недопустимости выражения посессора

- Собственно POSS.2SG допускает (как опущенного, так и) выраженного посессора
- (3)   **нăŋ kăt'-en**   moś-λ
ты   кот-POSS.2SG   мурчать-NPST[3SG]
‘Твой кот мурчит’.
- Если в примерах типа (2) употребляется собственно POSS.2SG, он должен также допускать выраженного посессора.
  - **В таких случаях выраженный посессор недопустим.**
    - POSS.2SG в ИГ с выраженным посессором обязательно интерпретируется как собственно посессив.
- (4)   Контекст: как в (2).
- #нăŋ amp-en**   ma   pɛλ-am-a   χurət-ti   pit-əs
ты   пёс-POSS.2SG   я   на-POSS.1SG-DAT   лаять-NFIN.NPST   статья-PST[3SG]
‘Твоя собака на меня залаяла’.

Ожид.: Собака на меня залаяла.

⇒ В таких случаях употребляется не собственно POSS.2SG, а **независимый показатель**.

2.2. Аргумент от рассогласования

- Собственно POSS.2SG является показателем посессивного **согласования** с посессором второго лица единственного числа.
- При множественном адресате вместо него употребляется *-ən* POSS.2NSG.⁵

(5) *nin kăt'-ən moś-λ*
вы кот-POSS.2NSG мурчать-NPST[3SG]
'Ваш кот мурчит'.

- Если в примерах типа (2) употребляется собственно POSS.2SG, он должен также меняться на POSS.2NSG при множественном адресате.
- **В таких случаях даже при множественном адресате употребляется *-en* [POSS.2SG].**

(6) Контекст: Мать рассказывает детям:

amp-en/#-ən ma rɛλ-am-a χurət-ti pit-əs
пёс-POSS.2SG/#-POSS.2NSG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST статья-PST[3SG]

'{Дети, я сегодня так испугалась! Я шла по улице и увидела собаку.} Собака на меня залаяла.'

⇒ В таких случаях употребляется не собственно POSS.2SG, а **независимый показатель**.

---

⁵ В норме севернохантыйские посессивы различают двойственное и множественное число посессора, но во втором лице они маркируются одинаково экспонентом *-ən*.

3. Показатель топики (TOP) с топикальными подлежащими и нетопикальными неподлежащими

- TOP характерно возникает в контекстах, где **предупомянутый референт выступает в позиции подлежащего.**

(7) amp-#(en)   ma   рел-ам-а   хурәт-ти   pit-әс
пёс-POSS.2SG   я   на-POSS.1SG-DAT   лаять-NFIN.NPST   статья-PST[3SG]

‘{Я шёл по улице и увидел собаку.} Собака на меня залаяла’.

Комментарий консультанта к -Ø: “тогда это какая-то другая собака, непонятно какая”.

- Его опущение порождает импликации неизвестности / неуникальности ⁶ референта ИГ (7), что вызывает неуместность в подобных контекстах.
  - Ср. аналогичные импликации у ИГ не маркированных определённым артиклем в языках с оным [Heim 2011: §1.7].
- При этом TOP недопустим с **неизвестными (и нетопикальными) подлежащими.**

(8) ma хот-а   луң-s-әм.   šāta   šāldat-(#en)   omәs-λ.
я   дом-DAT   войти-PST-1SG   там.LOC   солдат-POSS.2SG   сидеть-NPST[3SG]

‘Я вошёл в дом. Там сидел солдат. {(9)}’

- И **сомнителен с известными неподлежащими.**

(9) ma šāldat-(??en)   хуśа wana   mǎn-s-әм,   пуşkan-ән   šāš-s-ем
я   солдат-POSS.2SG   к   ближе   идти-PST-1SG   ружьё-LOC   показать-PST-1SG>SG

‘{(8)} Я подошёл к солдату и наставил на него ружьё. {(10)}’

---

⁶ Здесь и далее под “(не)уникальностью” подразумевается локальная [König 2018] или информационная [Roberts 2003] уникальность (ограниченная конкретной ситуацией) в противовес глобальной или семантической уникальности (в мире в целом или в большей ситуации).

- (И по-прежнему **обязателен с топикальными подлежащими.**)

(10) **šaldat-#(en)** rakn-əs.

солдат-POSS.2SG испугаться-PST[3SG]

‘{(9)} Солдат испугался’.

- TOP может также употребляться с **не предупомянутыми, но доступными из контекста** (и топикальными) подлежащими.

- NB: (11) интуитивно отвечает на скрытый вопрос (question under discussion, [Roberts 2012]) ‘Как тебе ягодный пирог?’, который является подвопросом естественного для подобного контекста ‘Как тебе эти блюда?’, т. е. естественно считать пирог в (11) данным и топикальным.

(11) Контекст: Семейный ужин. На столе стоит ягодный пирог и другие блюда.

wońśəmut-əŋ **ńań-#(en)** **šɛŋk** **ɛrɫ-əŋ**

ягода-PROP хлеб-POSS.2SG очень вкус-PROP

‘Ягодный пирог очень вкусный’.

- Здесь под топикальностью мы понимаем топикальность референта по отношению к пропозиции, при которой:

- Референт данный.
- Пропозиция сообщает **про** этого референта.
- [Nikolaeva 2001: 7]: “the **aboutness relation** holds between the referent of the topic expression and the proposition if **the referent is assumed by the speaker to be a center of current interest** about which the assertion is made”
- Референт должен быть в достаточной мере салиентен [ср. Barlew 2014] или активирован [Gundel et al. 1993]: внимание говорящих должно быть направлено на референта на момент высказывания.

- Это обычно коррелирует с данностью в предшествующем (скрытом или выраженном вопросе).

- В (12) больница дана в вопросе и TOP-маркирована в ответе, а в (12) наоборот.

- (12) a. Контекст 1: ‘Больница стоит на въезде в село или в центре села?’

ролница-#(en)   woš   олэη-эн   oməs-λ

больница-POSS.2SG   село   начало-LOC   сидеть-NPST[3SG]

‘Больница стоит на въезде в село’.

- b. Контекст 2: ‘Что стоит на въезде в село?’

ролница-(#en)   oməs-λ

больница-POSS.2SG   сидеть-NPST[3SG]

‘Больница (стоит)’.

- В севернохантыйском высоко топикальные (в этом смысле) ИГ обычно находятся в позиции подлежащего.
  - Как и в обско-угорских в целом [Nikolaeva 2001; Ё. Kiss 2019], ср. [Муравьев (эта конференция)].
- Что необходимо проверить:
  1. Действительно ли TOP-маркирование коррелирует с активированностью ИГ (ср. (8)-(10))?
  2. Действительно ли важна именно активированность, а не, например, данность или “синтаксическая топикальность”?
  - Т. е. возможен ли TOP только с активированными ИГ, но не с предупомянутыми и не с подлежащими вообще?
  - В частности, мы ожидаем TOP-маркирование с нетопикальными / неподлежащими ИГ при их достаточной активированности!

4. TOP с топикальными неподлежащими

- Например, можно ожидать TOP-маркирование в случаях, когда позицию подлежащего занимает по иным факторам более приоритетный референт, из-за чего топикальный референт остаётся / оказывается в неподлежащей позиции.

- Это и наблюдается в (13), где подлежащее находится в фокусе и отсылает к говорящему, так что **топикальный пирог** **TOP-маркирован в позиции прямого дополнения**.

- POSS.1SG здесь – ассоциативный посессив, приемлемость которого снижена из-за отсутствия легко доступной ассоциации в пресуппозиции в этом контексте.
- (13) интуитивно отвечает на вопрос ‘Кто съест пирог?’, что обеспечивает топикальность пирога.

- (13) Контекст: после ужина остались суп и рыбный пирог. Говорящие обсуждают, что еду нужно доесть, чтобы она не испортилась. Один из говорящих:

ma	χηλ-əj	ńań-en/?-em	λε-λ-em
я	рыба-PROP	хлеб-POSS.2SG/-POSS.1SG	есть-NPST-1SG>SG

‘Я съем рыбный пирог.’

Комментарий консультанта к *-em*: “это подходит, если я уже начал есть рыбный пирог и говорю, что доем его”.

- ⇒ **TOP не привязан к конкретной синтаксической позиции** (подлежащего, например).

5. TOP с нетопикальными ИГ

- Топикальность в релевантном для нас смысле сводится к активированности [Nikolaeva 2001].

- ⇒ Следует ожидать **TOP-маркирование с нетопикальными / неподлежащими ИГ** при достаточной активированности.

- До сих пор мы рассматривали TOP-маркирование простейших ИГ без относительных придаточных, указательных местоимений и прочих модификаторов,

- что было мотивировано методологически: основные факторы, влияющие на употребления показателя, легче установить в отсутствие всяческих побочных факторов.
- Рассмотрим TOP в более сложных ИГ.

5.1. С относительным придаточным

- Первый чистый случай TOP на фокусной ИГ — **маркирование ИГ, однозначно выбирающей одного референта из активированного множества при помощи относительного придаточного (ОП).**

(14) Контекст: Учителя с детьми готовят спектакль в школе. Только двум девочкам осталось дать роль. Учителя обсуждают: ‘Кто будет играть солнышко?’.

jām   pɛlək-ən   oməs-ti   ewij-en

хороший   сторона-LOC   сидеть-NPST.NFIN   девочка-POSS.2SG

χǎtl   im-ije   at   jɛnt-λ

день   женщина-DIM   OPT   играть-NPST[3SG]

‘Пусть солнышко играет девочка, сидящая справа’.

⇒ TOP-маркирование не завязано непосредственно на информационную структуру.

5.2. С указательными местоимениями

- [Gundel et al. 1993]: активированные референты маркируются указательными местоимениями.

⇒ Ожидается TOP-маркирование с указательными местоимениями.

- В севернохантыйском расширенная двухчастная система указательных местоимений [Каксин 2010: 93-94]:
  - ближнее указательное местоимение: *tām* ‘этот’

- дальнейшее указательное местоимение: *tum* ‘тот’
- анафорическое/общее указательное местоимение: *sí* ‘этот’ [DEM]
- Во многих случаях ИГ с указательным местоимением действительно маркирована чем-то похожим на TOP.⁷
  - Здесь цветок явно не топикален. (15), видимо, вообще тетично (отвечает на предельно общий вопрос типа ‘Что ты мне скажешь?’).

(15) Контекст: Родитель с ребёнком гуляют во дворе. Ребёнок говорит, показывая пальцем:

ma *tǎm* / *sí* / *tum* *lipt-en*   mɛnəm-ti   лапха-λ-эм

я   этот / DEM /   тот   цветок-POSS.2SG   сорвать-NFIN.NPST   хотеть-NPST-1SG

‘Я хочу сорвать этот / тот цветок’.

- При этом немаркированные ИГ с указательными местоимениями тоже явно бывают.

(16) Контекст: говорящий указывает на дом вдалеке.

ma *tum* *χot-(#en)-a*   mǎn-λ-эм

я   тот   дом-POSS.2SG-DAT   идти-NPST-1SG

‘Я пойду к тому дому’.

- Возможно, дело в (16) в синтаксической позиции?
  - Например, TOP не употребляется с косвенными дополнениями / ИГ с ролью Места или Цели.
  - В имеющихся в нашем распоряжении текстах это, кажется, верным.

---

⁷ Оговорка связана с тем, что по крайней мере в повелительных контекстах *-en* [POSS.2SG] чаще на самом деле является ассоциативным посессивом. Это можно показать согласованием по числу с адресатом (TOP не согласуется), но у меня пока что не было возможности последовательно проверить примеры с указательными местоимениями соответствующим образом.

- Это нужно проверить. Если это подтвердится, можно утверждать и что

⇒ Гипотеза подтверждается: TOP маркирует всякие активированные ИГ, в частности, ИГ с указательными местоимениями.

6. Когда можно и когда нужно использовать севернохантыйский показатель топика?

- **TOP употребляется с всевозможными ИГ с активированными референтами,** например:
  - с топикальными ИГ в позиции подлежащего (раздел 3)
  - с топикальными ИГ в позиции прямого дополнения (раздел 4)
  - с фокусными высоко активированными ИГ с относительным придаточным (раздел 5.1)
  - с ИГ с указательными местоимениями в аргументной позиции (раздел 5.2)
- **TOP не употребляется с ИГ с неактивированными референтами:**
  - с неизвестными ИГ (раздел 3)
  - с известными нетопикальными ИГ (приложение)
  - с ИГ с ролью Места или Цели (?) вне зависимости от активированности (9), (16)⁸
- **Что ещё нужно проверить:**
  1. Влияние синтаксической позиции более подробно.
  2. Влияние информационной структуры более эксплицитно (с вопросно-ответным тестом).
  3. Сочетаемость с разными прочими модификаторами, например, кванторами.

---

⁸ Сомнительность маркирования, связанного с определённой, в случае именных групп с предлогами вообще вполне характерно для определённых артиклей [König 2018]. Возможно, здесь мы имеем дело с похожим эффектом.

4. Схожесть с салиентным артиклем языка булу (< банту) [Barlew 2014], который на активированности референта ИГ, что доказывалось совершенно другими данными.
5. (Варьирование в суждениях носителей об употребимости TOP-а с известными нетопикальными референтами, см. ниже.)

Приложение. TOP vs. ассоциативный посессив

- В большинстве случаев известные неподлежащие ИГ маркируются ассоциативным посессивом соответствующего лица-числа.
  - Севернохантыйский ассоциативный посессив маркирует наличие контекстно-восстановимой ассоциации между известным уникальным референтом и другим активированным референтом [Михайлов (в печати, б)].
  - NB: (17) интуитивно является ответом на вопрос ‘Что мы съедим сначала?’, в этом смысле пирог здесь явно не топикален.

(17) Контекст: Семейный ужин. На столе стоит рыбный пирог и другие блюда.

оләҗ-әл-әп   хнл-әҗ   íaí-#(ew)/#-en   лә-л-ew
начало-POSS.3SG-LOC   рыба-PROP   хлеб-POSS.1PL/-POSS.2SG   есть-NPST-1PL>SG
‘Сначала съедим рыбный пирог’.

- TOP здесь невозможен, т. к. пирог нетопикален.
- Ср. неочевидные примеры с медведем,
  - пересказанные мне консультантом из его разговора с соседкой.

(18) Контекст: Говорящая гуляла с собакой возле леса. Обычно дружелюбный и тихий пёс вдруг кинулся к лесу и начал лаять.

хutti   wan-әп   рңри   рух-en   ísipa   sóś-ijәл-әс
где_то рядом-LOC   медведь   мальчик-POSS.2SG   вероятно ходить-FREQ-PST[3SG]
‘Должно быть, тут ходил медведь. {(19)}’ (естественный пример)

(19) аλ, (#λнw) рңрі рих-әл рел-а хирт-әс
наверное он медведь мальчик-POSS.3SG на-DAT лаять-PST[3SG]

‘{(18)} [Пёс], наверное, на медведя лаял’. (естественный пример)

- В (19) можно предположить, что медведь в фокусе со скрытым вопросом ‘На кого лаял пёс?’ или ‘Почему лаял пёс?’, так что отсутствие TOP не слишком шокирует.
- Шокирует его присутствие в (18), где, как мне кажется, медведь столь же нетопикален.

- Некоторые вопросы:

1. Все ли случаи выбора в пользу ассоциативного посессива в контекстах потенциальной конкуренции с TOP объяснимы нетопикальностью маркируемой ИГ?
2. В чём дело с примерами типа (18)? Это случай расширения TOP до анафорического артикля, наблюдаемого в реакциях некоторых носителей [Mikhailov 2021: §5.2.4]?

- Ср. (20), где консультант, пересказавший (18)-(19), употребляет TOP (?) с известным, но нетопикальным охранником.

(20) Контекст: Родители заходят в школу. Мать говорит отцу:

axranik-en-a passport-en wanəlt-e
охранник-POSS.2SG-DAT паспорт-POSS.2SG показать-IMP.SG.SG

‘Покажи охраннику свой паспорт’.

Библиография

Каксин 2010 — Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. [Kaksin A. D. The Kazym dialect of Northern Khanty. Khanty-Mansiisk: ITs YuGU, 2010.]

Кузнецова 2003 — Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. // *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей*. Ижевск, 2003. 249-259. [Kuznetsova A. I. Cumulation of grammatical meanings in agglutinating morphemes: deictic functions of the possessive in Uralic // *Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifika-tsii v yazykakh Evropy i Severnoi i Tsentral'noi Azii. Sbornik statei*. Izhevsk, 2003. 249-259.]

Михайлов (в печати, а) — Михайлов С. К. (готовится к печати). Против моносемических подходов к севернохантыйской дискурсивной посессивности // *Типология Морфосинтаксических Параметров 2021*.

Михайлов (в печати, б) — Михайлов С. К. (готовится к печати). 2-в-1: две посессивные конструкции в одной парадигме севернохантыйских суффиксов // *Материалы конференции «Малые языки в большой лингвистике» 2021*. [Mikhailov S. K. (in preparation). 2-in-1: two possessive constructions in one paradigm of Northern Khanty suffixes // *Materialy konferentsii «Malye yazyki v bol'shoi lingvistike» 2021*.]

Сердобольская 2017 — Сердобольская Н. В. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2017. 13(3). [Serdobol'skaya N. V. The invariant of definiteness and differential object marking in Beserman Udmurt // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistichekikh issledovaniy*. 2017. 13(3).]

Barlew 2014 — Barlew J. Saliency, uniqueness, and the definite determiner *-tè* in Bulu // *Semantics and Linguistic Theory*. 2014. 24. 619-639.

Coppock & Beaver 2015 — Coppock E. & Beaver D. Definiteness и determinacy // *Linguistics u philosophy*. 2015. № 38(5). 377-435.

É. Kiss 2019 — É. Kiss K. Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive // *Proceedings of the Workshop “Clause Typing and the Syntax-Discourse Relation in Head-Final Languages”, Arbeitspapier / Josef Bayer & Yvonne Viesel (eds.)*. Nr. 130. 2019.

É. Kiss, Tánzos 2018 — É. Kiss K. & Tánzos O. From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt-jez suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism // *Language*. 2018. 94(4). 733-757.

Fraurud 2001 — Fraurud K. Possessives with extensive use. *Dimensions of possession*, 47. 2001.

Gerland 2014 — Gerland D. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function. // *Frames and concept types*. Springer, Cham, 2014. 269-292.

Gundel et al. 1993 — Gundel, J. K., Hedberg, N., & Zacharski, R. (1993). Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language*, 274-307.

Heim 2011 — Heim, I. (2011). 41. Definiteness and indefiniteness // *Semantics-Noun Phrases and Verb Phrases* (pp. 996-1025). De Gruyter Mouton.

König 2018 — König, E. Definite articles and their uses // *Aspects of Linguistic Variation*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2018. 165-184.

Körtvély 2010 — Körtvély, E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession и semantic-pragmatic definiteness // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010. № 32(33). 321-343.

Mikhailov 2021 — Mikhailov S. Semantics of the Northern Khanty 2SG Possessive and of Related and Competing Markers. MA thesis HSE University, 2021.

Muñoz 2019 — Muñoz P. The proprial article and the semantics of names. *Semantics and Pragmatics*. 2019. 12. <https://doi.org/10.3765/sp.12.6>

Nikolaeva 1999 — Nikolaeva, I. *Ostyak*. Lincom Europa, 1999.

Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. 39(1). 1-49.

Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. // *International Symposium on Deictic Systems u Quantification in Languages Spoken in Europe u North u Central Asia: Collection of papers*. 2003. 130-145.

Roberts 2012 — Roberts, C. (2012). Information structure: Towards an integrated formal theory of pragmatics // *Semantics and pragmatics*, 5, 6-1.

Schwarz 2009 — Schwarz F. *Two Types of Definites in Natural Language*. PhD dis. University of Massachusetts at Amherst, 2009.

Serdobolskaya et al. 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M. & Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt // *Possession in Languages of Europe u North u Central Asia, Amsterdam (Studies in Language Companion Series 206)*. 2019. 291-311.

Siegl 2015 — Siegl F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan и Dolgan — a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015. № 39. 67-100.

Simonenko 2017 — Simonenko, A. (2017). Towards a semantic typology of specific determiners. In 21st Amsterdam Colloquium (pp. 425-434).